

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. С. 347 - 265.

Посвящается памяти Энрико Адвена, жокея

- Мистер Чарли, - обратился я однажды к старому наезднику, с которым мы пили каждый вечер за одним и тем же столом пиво, вот вы мне рассказали уже много интересных случаев из вашей цирковой жизни. Знаете ли, что мне кажется замечательным в ваших рассказах? Это то, что никакой роли в них не играет судьба. Сколько раз вы сами были на волосок от смерти, а если спросить, что вас спасло, вы всегда ответите: или случайно повисли ногой в петле, или упали на сложенный ковер, или взбесившаяся лошадь остановилась, испуганная внезапно раскрытым зонтиком... Но неужели из всего вашего громадного запаса воспоминаний у вас не найдется ни одного случая, в котором сама судьба или, если ходите, провидение вмешалось бы в человеческую жизнь? (Я говорю, собственно, про жизнь циркового артиста.) Случалось ли вам видеть или хоть слышать о таком случае, где какая-то непостижимая сила заставляет уверовать в себя то в таинственном сплетении целой цепи событий, то в неясном предчувствии, то в пророческом сне? Или, наконец, в загадочной симпатии душ? Вы меня понимаете, мистер Чарли?

Мистер Чарли был самым старым шталмейстером гостившего у нас цирка. Он занимался репетированием с молодыми артистами, учил "работе" детей и помогал директору в дрессировке лошадей. Изредка, когда нечем было заполнить программы, его выпускали в последнем номере на вольтижировку, и бедный ожиревший старик в своем розовом трико, с нафабранными усами, с жалкими остатками волос на голове, завитыми и расчесанными прямым рядом, всегда кончал тем, что, не соразмерив прыжка с тактом галопирующей лошади, падал спиной на песок арены, вызывая безжалостный смех "райка". А между тем лет двадцать тому назад (у старика до сих пор целы все газетные отзывы) не было во всей Европе такого бесстрашного, грациозного и изобретательного жокея и прыгуна, как мистер Чарли. Его "номера" до сих пор служат венцом гимнастического совершенства для лучших наездников. То было далекое, славное время, и об этом времени мистер Чарли любил поговорить, когда мы с ним проводили зимние вечера в пивной, напротив цирка, попивая пиво и куря: я папиросы, а он австрийские сигары длинные, черные и необыкновенно вонючие.

- Я вас очень хорошо понимаю, - ответил на мой вопрос мистер Чарли, только... видите ли... мне трудно вам объяснить... Мы там, у себя в цирке, мало верим в рок. Нам ведь каждый вечер приходится так крепко рассчитывать на свои нервы, свою ловкость, свою силу, что поневоле только в себя веришь и на себя одного надеешься. Поэтому-то, должно быть, у нас нет таких случаев, которые вас интересуют... Впрочем... помню я одно происшествие... Только в нем принимали одинаковое участие: и судьба и дрессированный слон, по имени Лолли... Что это было за славное животное!.. Да, если хотите, я вам расскажу все по порядку?

Я изъявил полнейшую готовность слушать и приказал принести две больших кружки пива.

- Это случилось в тысяча восемьсот шестьдесят первом году, начал мистер Чарли своим характерным, ломаным языком международного наездника и сальто-морталиста. В том году, когда я вместе с цирком знаменитого когда-то Паоли странствовал по венгерским городам, больше похожим на деревни, раскинувшиеся на десятки верст. Труппа у нас была разноплеменная, но прекрасно подобранная; все артисты высшей пробы смелые, ловкие... настоящие художники... Публика нас принимала радушно, и представления всегда давали полные сборы.

В Эрлау к нам присоединился со своими пятью дрессированными слонами один очень загадочный господин. На афишах он назывался Энрико, но это имя было, очевидно, вымышленное. Настоящего же его имени и происхождения никто не знал. Судя по наружности, в его жилах текла немалая примесь арабской или негритянской крови. Это был очень высокий и необыкновенно сильный мужчина, молчаливый, всегда сумрачный, жестокий с людьми и животными, не терявший ни при каких опасностях своей суровой медлительности и самоуверенности... Его темное красивое лицо, с немигающими громадными черными глазами было зло и властно. Мне всегда безотчетно казалось, что на душе этого человека лежит что-то страшное, чего он никому не поведает - может быть, кровавое преступление... Никого в труппе он не удостоивал своим разговором. Впрочем, все как-то чутьем избегали близости с ним. Даже его умные слоны, по-видимому, ненавидели его со всей силою, на которую только способны ненавидеть эти великодушные, терпеливые, хотя и мстительные животные. Во время репетиций Энрико обращался с ними так резко и смело, что мы иногда не были уверены, что он выйдет живым с арены: он